

В экспозицию вошло более 100 документов из 20 фондов госархива, среди которых «Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства», «Алтайское горное правление», «Главное управление Алтайского горного округа», «Барнаульское духовное правление», «Горная экспедиция Колыванской губернии», «Знаменская церковь г. Барнаула», «Алтайский губисполком», «Уполномоченный совет по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю», «Отдел ЗАГС по Алтайскому губисполкому», а также документы из партийных и личных фондов.

На выставке представлены документы, связанные с семейным законодательством разных эпох: указы Правительствующего Сената, Священного Синода Российской империи, законодательные акты высших государственных органов советской власти о порядке заключения брака и регулировании семейных отношений; уникальные документы 1750–1780 годов — брачные свидетельства, венчальные памятки, метрические книги и книги записей актов гражданского состояния, описания свадебных обрядов, свадебные фотографии и семейные письма второй половины XIX — конца XX веков.

Живой интерес гостей, присутствующих на открытии выставки, вызвали письма, собранные в разделе «Здравствуйте, мои родные...» Не секрет, что в наши дни слово «письмо», как правило, вызывает ассоциации с Интернетом и электронной почтой. Без сомнения, электронная почта имеет свои преимущества в оперативности. Но, несмотря на все достижения прогресса, бумажные письма заслуживают того, чтобы о них помнили. Благодаря письмам можно узнать многое о жизни, быте, традициях иных времен. Семейная переписка дает исследователям социальной истории ценнейшую информацию, то, что не найти в официальных документах. Эпистолярный содержит подробное описание повседневной жизни, начиная со второй половины XIX века и заканчивая 1980 годами. В личных рукописных посланиях мы найдем повествование о путешествии из Москвы в Барнаул, меню женской гимназии, исторические события периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, описание улиц Лондона

Письмо Дмитрия Степановича Сулова
своей жене Раисе Ивановне из госпиталя с рассказом
о совершенном 17-летней белорусской девушкой-
партизанкой побеге из немецкого плена. 8 сентября 1942 года.
ГААК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 3. Л. 124–124 об.

Рукописный подлинник.

(Стр. 31–33)

8. 9. 42. Госпиталь 290. 124
Москва, Госпиталь № 290.
Товарищу Владимиру. Транз (духи),
мешок белья, тапочки на обду и
уши.
Стадион с аккордеоном, играет
хорошо. Ходит по приешини, в за-
лах отицания, в садиках, всюду
где есть группа бойцов и коман-
диров в 4-6 человек. Он играет.
Осмотрел - врач 1го класса
Тепляко, о извешивности не сумел.
В отицаниях, в комнате какастава
увешивал простоту задушевности
рассказ девушки о себе.
Она белорусская. Фамилия Бессараб-
ская. Виза, билет с подружкой
приехала сюда по путевке (К. В. К. В.)
Белоруссии.
Колхозница. Родилась 1925 г.
Намиз дами больше - 19-20 лет.
Жиле Брезнев роетин, белорусская

Милый Ваня а там же знаешь
написал много а рисую попу-
пиано попыми поэфь попроси са
мне письмо которому нарисовте мне
пелю летать у нас ламата и окра-
воту Девки селити поже вобуть
намушко за и сказате селити
наше ворамасть и жеребенка

Порожай.
Воня, Косит
са. Желево пиатъ
Неколай
Гуляев 625 фет
брат.

Детское письмо Николая Гуляева некоему Ивану с просьбой, чтобы (брат) Саша нарисовал ему лошадь с жеребенком и выслал бы ему текст песни «Девки сели на лужок, заиграли во рожок...». 1840 – 1850 годы. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 15. Л. 56-56 об. Рукописный подлинник

1960 годов и многое другое. А еще письма позволяют увидеть, как в отдельно взятой семье передаются культурные ценности и закладывается воспитание, определяющее в будущем всю жизнь человека. Прочтем о любви, уважении к близким, старшему поколению, о трудолюбии и преданности родине. И самое главное, письма порой открывают внутренние семейные взаимоотношения, которые складываются под влиянием различных обстоятельств.

В экспозицию были привлечены документы из личных фондов писателей Ивана Шумилова, Николая Дворцова, Александра Родионова; краеведов Степана Ивановича и Николая Степановича Гуляевых, Владимира Петренко; исследователя Виктора Верещагина; художника Дмитрия Сулова; общественного и партийного деятеля Александра Невского. Среди представленных документов почтовые карточки XIX века, письма

Крестьянская девушка с широ-
кими ладонями рук.
Теморусский акцент.
Партизанша в Вишневском обл.,
Однажды писла Чисельна, пошла
З ушла съезит, гетвотас оужити.
ло в сапог. Крители на допрос.
Шелти плянхи полицейска.
Обыскали Карманн - нилго кет
лиць писит с бинтом. Отговори.
лаев-несла раненой мащери-
не повзмили. Продалиши облек.
Велики разбитая, сядла сапог
с левой ном, кушит. С правой сит,
матъ нильза, там писмо. Пользуея
отыжишии нилуць преввернуша
но стуле, внол сядла левый.
Солмо маэко.
Но бинт, бинт. Да и заверути
ош в светую советскую газету
Укакая газета? Где взяла?
- Не знаю какая. Подобрали в поле-
Долю* нильне толкотили, что сней

делит. Кто презегае расстрелив, кет
повесит. Тинталии тую, тую свезали
сзади руки. Потом цу пошати все
ушли, оставив часовой.
Долю сидит, две-три час. Уже стем.
Нель. Нель летная недела. что-то не
делати. Часовой уцели, свесил голову.
Нарочно шаркнула по полу ногой, не
ветавал со стула. Часовой продали
там спатъ. Рядом приоткрыт
ежно. За ушом долю близко роув.
За ротом куети, обрал, а там
свои лики. Тихалесо на окне.
Уо окашелу, на подоконник и зо окно
Телом в роув. В избе втупел
и влез за ним заговорил вез деревид.
В куети, там закуталаея, ушла
не могу встатъ. Платок на голове
Бельво, белик, боюсь видастъ.
Сидит не могу, руки забезана.
А руки коют, затемки, бинт
врезался. что не делати-ти!
улицати не хогется. Сильную
Келичи по рней ходит, мелея шити.
Скорей давши давши

1930 годов прошлого столетия, а также долгожданные «треугольнички» периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

***

Материалы из фонда семьи исследователей Гуляевых являются наглядным примером того, как в семье прививался исследовательский навык. Во-первых, на собственном примере. Сам Степан Иванович Гуляев (1806–1888) был человеком разносторонних знаний, он изучал историю, этнографию, фольклор, естественные науки, был изобретателем. Он записывал свои наблюдения и делился ими с детьми, которых у него было шестеро. Во-вторых, как видим из его письма, адресованного сыну Николаю, совершавшему путешествие в Варшаву летом 1872 года, давал наставления: «Хотелось бы, чтобы ты вел записки о своем путешествии, которые со временем могут принести особенное удовольствие... Вывози же более своих наблюдений и заметок о чужих краях». И в постскриптуме: «Учись и учись всему доброму». И как мы знаем, Николай Степанович перенял исследовательскую жилку отца, он также увлекался историей, работал архивариусом в архиве при Главном управлении Алтайского округа и оставил не менее замечательное, чем у отца, документальное наследие.

Продолжение письма Дмитрия Степановича Суслова своей жене Раисе Ивановне из госпиталя с рассказом о совершенном 17-летней белорусской девушкой-партизанкой побеге из немецкого плена. 8 сентября 1942 года.

ГААК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 3. Л. 124–124 об.

Рукописный подлинник

Тихо к обряду, В обряд кубырек.
Два километра обрядом, столько же
защиты лесом и у слез.
пришла уже рассветало, Розвезали
руки мне, а они сухие, не всадили
ниже руки-то. Их гребиде, твоя.
Отверло все. Заду минут через 30-ю
кончики палочек ковыло стало, как обидолично
А потом стоим. Вот видишь опять хранил
Только дошло брати нежно не могла идти,
последний сии мид.
- а с игол это?
- Коги? - рашит мидно. Да это
пучьяки, замивут. и опять расказ.
Скрябалив, Замели в болот. Отбиватся
негели, и сеть негели, все вилло. Сиди в бао-
те, среди куатови когк в возе.
Виледатя мидло, куравл мидири рн-
ицут нас ицут. Три дни сидели
из себя-видилив. Есть надо.
Вот а пошла я. Думала, прогуду, а мне
ицутрад и бавалав.
Надо вичкати, как прогудти?
подстрелили.
Ребятя миди вилли.

О взаимоотношениях, полных доверия и любви между матерью и дочерью Степана Ивановича Гуляева — Александрой Филипповной и Надеждой, мы узнаем из письма Надежды. Будучи ученицей 5-го класса Омской женской гимназии, в письме от 14 декабря 1870 года она подробно описывает свой быт и занятия. Девочка рассказывает о случившихся в гимназии переменах, которые привели к гораздо большему порядку и улучшению во внутренней жизни учебного учреждения. И даже подробно расписывает меню из столовой.

Производят впечатление теплые отношения между братьями Гуляевыми. На выставке представлено детское письмо с орфографическими ошибками, написанное Колей Гуляевым и адресованное некому Ване. В письме имеется просьба Коли к старшему брату Александру нарисовать ему лошадку с жеребенком. И по сохранившемуся рядом с письмом рисунку видим, что Александр выполнил просьбу младшего брата.

***

Иногда жизненные обстоятельства разлучают родных людей. Но, как видим из писем 1930 годов другого исследователя Алтая Виктора Ивановича Верещагина (1871–1956), расстояние не мешало ему заниматься образованием своих детей. В его личном фонде сохранились замечательные письма по ботанике, астрономии и биологии с неизменным обращением «Милые мои, ребятки». Простыми словами объяснял он сложные природные явления: извержения вулканов, «рождение» звезд; рассуждал: существует ли внеземная жизнь, или давал определенные горным породам Красноярского края, где он вынужденно находился. И всегда в конце письма спрашивал: «Все ли понятно, продолжать ли писать?» Судя по количеству писем, дети просили его писать продолжение.

***

Ярким примером супружеской верности, дружбы, любви, доверия служат письма художника Дмитрия Степановича Суслова (1907–1964) к своей жене Раисе Ивановне Жуковой, которые он писал с 1920-х и до своей смерти. В его личном фонде сохранились письма и почтовые открытки жене с фронта. Читая их, невольно удивляешься теплым отношениям супругов, которые они смогли пронести через десятилетия. Неизменное обращение художника к жене «Милый мой, Раюсик» переходит в краткое сообщение в телеграмме с фронта: «Здоров. Целую. Митя». Хороший наблюдатель и рассказчик, Дмитрий Степанович в письмах делится описанием впечатливших его моментов. Он шлет словесную зарисовку взятых в плен обмороженных под Москвой в 1941 году немцев и рассказ о 17-летней белорусской девушке-партизанке, совершившей невероятный побег из немецкого плена. Эту историю он услышал из первых уст в госпитале.

На деревенно жене.

Милая женушка Валентина Матвеевна. Живу я в туберкулезной столице Ялте, и жизнь моя тут несладкая. Сердитые эскупины, которые называют себя сестрами (всех бы не видеть таких сестер!), каждый день травят нас таблетками, дают их штук по тридцати и заставляют жевать (хоть подавись, а съешь), но отравить не могут. И ходят тут еще шибко страшные женщины с длинными штанами, и швыт эти всаживают нам в всякое место, а отказать невозможна, милая женушка. У всех у нас задницы вроде решета стали. И живет тут один хирург по прозвищу хирург, он режет внутренности и выдвасивает их собаками. Он спит и во сне видит, как бы колы отпластать легкое. А вино и брагу пить тут запрещают, говорят, вредно, и спатк кладут по звонку, а не лажеешь мензадно ругают.

Жизни никакой тут нет, милая женушка. Забери ты меня отсюда ради Христа, но гроб жизни бога буду носить за тебя. Буду все делать: носить дрова, воду, заправлять кровать, делать утюгой зарядку, кормить кур и ходить в магазин и на базар. Не буду вертаться на тшожай обед, за обедом не буду читать газеты и книжки, в комнату в ботинках ходить не буду, а когда буду садиться, то брючки поддерживать, чтобы штрейки все изидались. И форточку буду открывать только по твоему приказу, милая женушка.

Христом богом молю
твоей душе

Ванька Шу... Шу... Шумилов.

***

Письма другого участника Великой Отечественной войны писателя Ивана Леонтьевича Шумилова (1919–1981), адресованные жене и детям, полны юмора и оптимизма. Будучи тяжелобольным туберкулезом, находясь на излечении в санатории, он мог подобрать такие слова, которые не только заставят родных не волноваться, но и вызовут улыбку. Письмо 1970 годов из ялтинского санатория, адресованное жене, стилизовано под письмо Ваньки Жукова из рассказа А. П. Чехова «Ванька»: «На деревенно жене. Милая женушка Валентина Матвеевна. Живу

я в туберкулезной столице Ялте, и жизнь моя тут несладкая».

Читая семейные письма, осознаешь, что действительно все начинается с семьи. А семья — это не только «папа, мама, я», это целая родословная. Письма — часть этой родословной. Поэтому так важно знать свой род, его историю, корни, чтобы чувствовать себя не одиноким, но включенным в большое ветвистое родное древо, быть частичкой родных людей, вместе создающих историю и судьбу своей страны.

Рисунок лошади с жеребенком, предположительно нарисованный сыном Степана Ивановича Гуляева Александром для своего младшего брата Николая. 1840–1850 годы. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 15. Л. 57. Подлинник

Письма семьи Гуляевых

Письмо Степана Ивановича Гуляева своему сыну Николаю (второму) с описанием своего путешествия из Москвы в Барнаул и наставлением делать записи о путешествии в Варшаву. 20 июля 1872 года.

ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 28. Л. 167–168 об. Рукописный подлинник

20 июля 1872 г.

С.И. Гуляев сыну Николаю (второму)
из Барнаула в Петербург

Благодарю тебя, мой милый друг, за три письма: из Варшавы от 8 июля и из Дрездена от 17-го и 18-го. Варшавское ты адресовал в Омск, но оно нас не застало там, а Лиза, получив его, не удержалась, чтобы не распечатать, и прислала со своим письмом, с тою же почтою, с которою пришли два остальных из Дрездена, в чем и просит прощения. Еще раз — спасибо.

Желаем одного, чтобы ты был здоров и чтобы путешествие благотворно действовало, осевив всего. Наиболее затем желаем, чтобы ты приготовился к экзамену и выдержал бы его, хотя и не на славу. Хотелось бы, чтобы ты вел записки о своем путешествии, которые, со временем, могут принести особенное удовольствие. Воспользовался ли советами и указаниями Александра Петровича? Вывози же более своих наблюдений и заметок о чужих краях. Теперь расскажу тебе о нашем путешествии.

Расставшись с тобою, я долго думал о тебе, друг мой, припоминая разные случаи, наши

диспуты, рассуждения. Молил Бога о твоём здоровье и благополучии. На другой день, ранее суток, приехали в Москву, где переночевали две ночи. Пользуясь хорошей погодой, я в воскресенье побывал в Кремлевских соборах, у Василия Блаженного, обошел приготовлявшиеся для выставки устройства, вечером отправился в Сокольники, где надеялся встретиться с Молчановым, но его не было в Москве. Публики там было множество, все горожане. На следующий день ездил в Зоологич[еский] сад, который нашел небогатым, но местность живописной. Оттуда отправился прямо на Нижегородскую станцию; а наши поехали особо, из гостиницы.

Сев на машину, мы прибыли в Нижний и со станции поехали на пароход, на котором переночевали, и к вечеру на другой день поплыли по Волге. Мне пришла и постоянно не оставляла мысль о минувшем поэтическом времени бурлачества; вспомнилась песня Матчинского о Волге. На пароходе познакомились с разными людьми: полковницею Михайловской, образованною молодою дамой, ехавшей в Ташкент к мужу, с двумя малолетками и нянькой; со студентами Казанск[ого] университета, бывшими

гимназистами томскими, в том числе с Чердынцовым. Время шло весело.

В Пермь прибыли через четверо суток и остановились в гостинице. Там я встретился с Тихобаевым Н.Ф. [Тихобаев Николай Филиппович в 1864 г. городничий Барнаула и командир Барнаульской арестантской роты], который приезжал по службе. В Перми купили два тарандаса [тарантас — дорожная, обычно крытая, повозка] и через два дня отправились в Екат[еринбург]. Там обедали у Тихобаева, прежде нас приехавшего; переночевали и отправились в Тюмень, где я встретился с Высоцким. Из Тюмени в Омск дорогою завернули в Ялуторовск к отцу Ив[ана] Яковлевича, славному старику. В Омске прогостили целую неделю и 20 июня прибыли в Барн[аул].

В Гоньбе, на берегу, ожидали нас Пешков, Сочинский и Шульдаль; Саша и Коля были на репетиции спектакля, который был дан на другой день, в пользу школ Климова и какой-то Николаевской. В это время сюда съехались генерал-губернатор Хрущов, губернаторы томский и семипалатинский, Иващенко да несколько офицеров свиты.

Так как я не сделал визитов, то и не был в театре, а была только одна Анюта [Шляпкина Анна Константиновна — племянница Гуляевых]. Саша, говорят, играл превосходно. После спектакля к нам собрались артисты и долго, по обыкновению, беседовали. Затем потекла наша жизнь обычным порядком.

Вот краткий очерк нашего путешествия.

Вероятно, ты возвратишься ранее моего письма? Не забудь справиться в редакциях: «Иллюстрации»; «Русский мир» — в последнюю я отдал две статьи: о конических ядрах и пулях и об уездном училище. Повидайся с Гейзером, которому я пишу, в случае, если проданы рога козы и маральи, выдать тебе деньги, рубл[ей] 50. Сходи к Никитину, Сидорову, Латкину, Агафонову, особенно к последнему. Поклонись всем студентам. Не ленись писать нам. Я беспокоюсь насчет экзамена; обрадуй нас телеграммой. На расходы посылаю 25 руб.; пожалуйста, не трать их без толку. <...>

Да хранит тебя Бог, не забывай нас.

Твой друг С. Гуляев.

P.S. Учись и учись всему доброму

Письмо Надежды Степановны Гуляевой матери Александре Филипповне Гуляевой с описанием своей жизни и учебы в Омской женской гимназии. 14 декабря 1870 года.

ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 28. Л. 55–56 об. Рукописный подлинник

14 декабря 1870 г.

Надежда Гуляева — матери А.Ф. Гуляевой из Омска в Барнауле
Приют «Надежда»

Ея Высокоблагородию Александре Филипповне, г-же надворной советнице Гуляевой от искренно любящей дочери Надежды Степановны Гуляевой, воспитанницы Омской женской гимназии, ученицы 5-го класса приюта «Надежды».

Вы меня спрашивали и писали, что Вам сказали, что у нас теперь большие строгости, это, хотя и правда, но совсем уже не так большие, как Вам, верно, передали, но, надо сказать, что у нас гораздо больше порядку и много улучшений. Во-первых, нам подарили холста тонкого на полотенца, потом полотна на рубашки и простыни, сделали на зиму памазейные¹ панталоны, потом прислали камлоту² на платья, и мы уже начали их шить, потом, будут шубки на меху, к осени — калоши, а летом — бурнусы³ и шляпки. Еще переменили обед и сделали ужин. Если Вам угодно знать, то я напишу Вам.

Расписание обедов.

Понедельник, обед: суп с зеленью, зразы с кашей гречневой; ужин: тушеная говядина.

Вторник, обед: борщ, говядина с макаронами или говядиной; ужин: котлеты.

Среда, обед: суп с клецками или лапшой, жареная баранина с картофелем или рисом; ужин: битое мясо.

Четверг, обед: суп со свежей капустой, котлеты с соусом из зелени; ужин: пироги из сырой говядины.

Пятница, обед: щи с кислой капустой и со свиной, жареная говядина с капустой или огурцами; ужин: зразы без каши.

Суббота, обед: суп с зеленью, с пирожками; каша просовая на молоке с маслом; ужин: жареная говядина.

Воскресенье, обед: пельмени, репа фаршированная; ужин: лапша на молоке или рисовая каша. <...>

Театр наш сошел хорошо, лучше всех играла Древинг, Гуля (Белоярская) и, говорят, что я. Древинг играла чиновника и вдову 14-го класса. Последнюю роль она отлично [исполнила]. Писесы у нас были «Семейные дела, или С большой головы да на здоровую». В этой пиесе Д[ревинг] играла вдову и чиновника, я Дивина мужа <...>. Вторая пиеса — «Беда от нежного сердца». Д[ревинг] играла провинциалку, маменьку Кудыркину, я — Настеньку, Л. Бор. — Катеньку; и обе пиесы сошли хорошо.

До свиданья. Прошу Вашего благословения.
Любящая Вас ваша дочь Н. Гуляева

¹ Правильно: бумазейные. Бумазья — хлопчатобумажная ворсистая ткань, плотная и теплая.

² Камлот — плотная шерстяная или полушерстяная ткань.

³ Бурнус — просторное женское платье с широкими рукавами.